

Сборник подготовлен в рамках работы над проектом «Город и поселенческие структуры Рязанской земли (Средневековая Русь: центры и периферия)» (программа Отделения историко-филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», направление 1 «Историческая роль славян в судьбах Европы в средневековье и раннее Новое время».

Государственный контракт на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ № 10002-251/ОИФН-01/242-237/110703-1043 от 20 мая 2003 г.)

Ответственный редактор
А.В. Чернецов

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук *И.Е. Зайцева*,
кандидат исторических наук *В.Ю. Коваль*,
И.Ю. Стрикалов

Рецензенты:
доктор исторических наук *П.Г. Гайдуков*,
кандидат исторических наук *М.Д. Полубояринова*

В27 Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 589 с., илл.

ISBN 5-88451-192-2

В сборнике рассматриваются средневековые древности Рязанской земли, ее столицы – Старой Рязани, других городов княжества, а также средневековые поселенческие структуры на территории Рязанщины. Ряд статей посвящен изучению памятников архитектуры, прикладного искусства, а также письменным источникам и нумизматике Великого княжества Рязанского. Для археологов, историков, краеведов, учащейся молодежи.

ББК 63.4(2)

На 1 ст. обложки: Вид Старорязанского городища с птичьего полета.
Фото А.Л. Серебрякова

На 2 ст. обложки: Раскопки руин Борисоглебского храма. Фото 2003 г.;
музеефицированные руины Спасского собора Старой Рязани.
Снимок 1970-х гг. в вертолета

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Чернецов. Историко-археологическое изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы	7
<i>Приложение:</i> В.В. Судаков, В.М. Буланкин, А.А. Вячин. Археологическая карта округи Переяславля Рязанского. Сельские поселения IX–XIV вв.	34

СТАРАЯ РЯЗАНЬ

И.Ю. Стрикалов. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия	36
В.И. Завьялов. Археологические исследования посада	90
Л.А. Беляев. Борисоглебский храм: новые исследования (1999–2004 гг.)	105
Е.В. Буланкина. Из истории исследования Борисоглебского собора	154
В.А. Городцов. Дневник археологических раскопок 1926 г.	161
Л.А. Беляев, А.В. Чернецов. Новые находки произведений художественного ремесла	180
Е.В. Буланкина. Клад 2002 г.	191
Е.В. Буланкина, И.Ю. Стрикалов, А.В. Чернецов. Клад 2005 г. из раскопок на Южном городище	198
А.А. Медынцева. Грамотность в повседневной жизни столицы Рязанского княжества	211
И.Ю. Стрикалов. Округа Старой Рязани в XII–XV вв.	222

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ

В.В. Судаков, В.М. Буланкин. Культурный слой Переяславля Рязанского	241
В.Ю. Коваль. Планировка средневекового Ростиславля	262
<i>Приложение:</i> Средневековые памятники в окрестностях Ростиславля	285
А.Б. Мазуров. К столетию начала археологического изучения Коломны	288
В.В. Черкасов. Домонгольские традиции гончарного производства Поочья (на примере керамики Коломны 2-й половины XII – 1-й половины XIII в.)	299
А.Б. Мазуров, С.И. Самошин. Монетные находки XVI – начала XVIII вв. из Михайловского раскопа в г. Коломне	320
И.Е. Зайцева. Средневековый Зарайск: археологический комментарий	325
Д.А. Иванов, И.Ю. Стрикалов, В.П. Челяпов. Поселенческая структура XII– XV вв. междуречья Прони и Рановы	336
М.И. Гоняный. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й чет- верти XIV вв. в нижнем течении р. Мокрая Табола на Куликовом поле	361
П.Е. Русаков. Памятники древнерусского времени на территории Михайловского поля	397
В.П. Челяпов. Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли	413

Н.А. Тропин. Древнерусские памятники XII–XIV вв. на южных территориях Рязанской земли	427
Г.А. Шебанин. Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в.	458
В.Ю. Коваль. Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики	480
А.В. Пачкалов. Восточные монеты XIV–XV вв. в Рязанской земле	
А.А. Зайцев. «Повести о Николе Заразском» и некоторые вопросы истории Рязанской земли накануне монгольского завоевания	533
А.В. Чернецов. Скорнищевская битва на миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в.	547
Т.М. Панкова. О двух произведениях мелкой каменной пластики XII – начала XIII в. (об иконах домонгольского периода с сюжетами «Деисус. Вознесение Александра Македонского», «Апостол Петр»)	554
В.Г. Пуцко. Из истории русской каменной пластики XIII в.: рязанские иконы с изображением Деисуса	567
Список сокращений.	578
Summary. Great Principality of Ryazan: Historical and Archaeological Investigations and Materials (<i>перевод Л.И. Авиловой</i>)	580

А.А. Медынцева

Грамотность в повседневной жизни столицы Рязанского княжества

Изучение грамотности жителей древнерусских городов – основного показателя уровня культуры – очень затруднено недостаточностью прямых письменных (летописных и литературных) свидетельств. Крайнее положение Рязанского княжества на границе со степью, изнурительные междоусобицы, в которых рязанские князья зачастую использовали половцев как союзников, завершились гибелью многих рязанских городов, в том числе и столицы Рязани, под ударами войск хана Батыея. На долгие столетия могущественное княжество утратило свое значение, даже столица была перенесена, и исчезло само ее название. Лишь в XVIII в. оно вернулось на географические карты России, когда по указу Екатерины II в Рязань был переименован Переяславль Рязанский. Прежняя столица древнерусского княжества была заброшена и сохранилась лишь под именем Старая Рязань.

Особенности истории Рязанского княжества не могли не сказаться на состоянии письменных источников. Рязанские летописи до нас не дошли, некоторые свидетельства по истории княжества сохранились лишь в составе общерусских летописных сводов.

Домонгольская Рязань – столица княжества, богатый и цветущий город с мощными укреплениями, развитым домостроительством, великолепными каменными храмами, украшенными фресками, город искусных ремесленников и многочисленных торговцев, стала известна благодаря долговременным археологическим раскопкам. Хотя археологические исследования городища периодически проводились на протяжении XIX в., подлинно научные, масштабные раскопки были проведены в 1945–1950 гг. под руководством А.Л. Монгайта. Они были продолжены в 1966–1979 г. (руководитель В.П. Даркевич) и продолжают в настоящее время под руководством А.В. Чернецова. В процессе раскопок и в качестве случайных находок было обнаружено немало эпиграфических источников: надписей на различных предметах, граффити на стенах храмов, – практически единственных свидетельств грамотности жителей древней Рязани. Но сведения о них, разбросанные в разных изданиях, не давали цельного представления о высоком уровне не только материальной, но письменной культуры этого времени.

Помимо надписей были найдены многочисленные писала, застезки и накладки на книжные переплеты – вещественные свидетельства использования книгой и письмом (Монгайт, 1955. С. 179, 180. Рис. 24, 25, 38, 139, 2, 8, 16, 17; см. также: Даркевич, Борисевич, 1995.). Находки такого рода были известны уже давно, хотя назначение книжных застезек определено только в последние десятилетия, ранее их называли амулетами. Но только полное комплексное исследование всего известного к тому времени эпиграфического материала позволило судить об

уровне грамотности и образованности жителей столицы Рязанского княжества (Медынцева, 1988. С. 247–255).

Обнаруженные в последние годы новые эпиграфические находки, в том числе и более позднего времени, расширяют наши представления об уровне письменной культуры древнего города. Для получения целостного представления о грамотности и образованности его жителей необходимо рассмотреть как основные результаты прежних исследований, так и вновь открытые надписи.

Оказалось, что в Старой Рязани обнаружены почти все категории эпиграфических находок, что подтверждает высокую письменную культуру жителей столицы княжества.

В первую очередь внимание привлекает находка двух надписей на пряслицах (случайные находки), сделанных едва ли не первыми в этой категории источников: на одном из них прочитано имя «Молодило», на втором – обозначена принадлежность «княжее». Хотя имя «Молодило» мужское, а вторая надпись тоже указывает на владельца-мужчину (князя), обе надписи свидетельствуют о грамотности женщин. Очевидно, это подарки грамотных мужчин своим избранницам, которых тоже следует считать грамотными, иначе надписывать пряслица не имело бы смысла. Это подтверждается сравнительной редкостью надписей на пряслицах, в то время как орнаменты, метки, знаки, рисунки, помогающие владельцам отличить свою вещь от им подобных предметов женского обихода, – явление довольно обычное.

Другая, широко известная надпись из Старой Рязани – надпись на корчаге (обнаруженная в 1948 г.), несмотря на, казалось бы, полную ясность в прочтении, вызывала долгие сомнения в интерпретации. Это фрагмент корчаги с ручкой, на которой полностью сохранилась начерченная на уже обожженном сосуде надпись-граффити в четыре строки: «Новое вино добрило послал князю Богунка» (рис. 1). Это одна из самых пространных и хорошо сохранившихся надписей на корчагах – целое послание князю по случаю отправки вина в Рязань. Тем не менее с истолкованием и датировкой ее далеко не все ясно. Смущало наличие двух собственных имен (Добрило, Богунка), из которых ни одно не является княжеским. Отправитель вина – Богунка (уменьшительное от Богуслав, Богу-хвал), его имя выделено более крупными буквами. Известное по другим источникам имя «Добрило» тоже не может принадлежать князю, к тому же связать его со словом «князю» мешает падежная несогласованность. Поэтому А.Л. Монгайт при публикации надписи, ссылаясь на мнение Б.А. Рыбакова, высказал предположение, что «добрило» – имя собственное, а название сорта вина (Монгайт, 1949. С. 161).

а

б

Рис. 1. Надпись на корчаге (раскопки А.Л. Монгайта, 1948 г.)

Но следует еще раз подчеркнуть, что при сохранении общего смысла толкования надписи, с ее переводом не все ясно. Скорее всего «добрило» – не имя собственное, а прилагательное, образованное с помощью суффикса «/» от глагола «добрить» по типу прилагательных «кисел», «гнил», «тепл» и т.д., поэтому «добрило» – эквивалент «доброе», «улучшенное». Таким образом, полностью становится ясным перевод: «Новое вино доброе послал князю Богунка». К сожалению, имя князя остается неизвестным. Уточняется и датировка надписи. А.Л. Монгайт датировал ее концом XI – 1-й половиной XII в., ссылаясь на стратиграфию и палеографические особенности. Но указанные им особенности свойственны всему XII в., в то время как некоторые черты более поздней графики – «оплывшие» петли букв, выносное «N», пропущенные слабые глухие – указывают на XII–XIII вв. Корчага, на фрагменте которой обнаружена надпись, относится к типу, распространенному в XII–XIII вв., что согласуется с датировкой надписи.

Из Старой Рязани происходит еще целая серия редких надписей, найденных при раскопках Успенского собора. На боковых поверхностях нескольких кирпичей обнаружены выпуклые надписи однотипного содержания. Они были вырезаны на деревянной форме для кирпичей и поэтому отпечатались «зеркально». Прочтение их затруднено «смазанностью» и непропечатанностью значительной части букв. Издатель (А.Л. Монгайт) предположил, что эти подписи представляют клеймо мастера, которое он прочел как «Яков тв [орил]» – Яков сделал (Монгайт, 1949. Рис. 9). Наиболее сохранившаяся из этих надписей как будто подтверждает такое прочтение: если читать слева направо – **НКОВЪ**, далее отчетливо читается **Т** и нижняя часть **Ъ** или **В**. Таким образом, для прочтения надписи подобным образом есть некоторые основания.

При раскопках другого – Борисоглебского – собора в 2004 г. (руководитель Л.А. Беляев, любезно предоставивший материал для публикации) обнаружена еще одна плинфа с надписью – клеймом. На боковой части фрагмента плинфы полностью сохранилась выпуклая надпись, также, очевидно, первоначально вырезанная на деревянной форме и отпечатавшаяся «зеркально» (рис. 2) и читать ее следует слева направо. Первые две буквы несомненны – это **М** и **А**; прочтение следующей вызывает некоторые сомнения: на глине отпечатался какой-то знак, напоминающий «ижицу» или глаголическое «веди», но две последующие буквы вполне ясны – это **О** и **К**. Таким образом, все слово **МА-ОК**. В контексте легко расшифровывается «загадочный» третий знак: вероятно, мастер сначала вырезал **Р** с маленькой незамкнутой верхней петлей, но потом, учитывая ее зеркальность, добавил новую петлю, исправив первоначальный вариант. Таким образом, все слово читается как **«МАРОК»**. Скорее всего, это клеймо – имя мастера. Обращает внимание отсутствие обязательного конечного **Ъ**, хотя места для него достаточно, сохранность плинфы позволяет утверждать это с уверенностью. Но автором его не мог быть греческий мастер, так как греческий вариант имени, наиболее отвечающий прочитанному, – «Μάρκος». Объяснить появление необычного имени может «зеркальность» подпи-

Рис. 2. Надпись-клеймо на плинфе из раскопа № 29 (руины Борисоглебского собора, 2004 г.)

си и попытка мастера ее преодолеть: помимо исправленного **Р** он менял местами **О** и **К**. В таком случае, восстановив порядок, можно прочесть «**МАРКО**», уменьшительное от канонического «**МАРК**». Можно допустить, что здесь **О** заменяет собой **Ъ**, как в некоторых рукописях, берестяных грамотах и граффити – т.н. неупорядоченное употребление **Ъ/О**, что характерно в основном для памятников Северо-Западной Руси. Особенности исполнения подписи (ее «зеркальность») не позволяют настаивать на таком предположении, в то же время первый вариант прочтения (Марко) подтверждается как самой каноничностью имени, так и распространенностью уменьшительной (звательной) формы в других древнерусских надписях. Для палеографической датировки данных мало. Обращает внимание широкое **М** с провисшей серединой и широкими плечами. В датированных надписях такое написание встречается в древнейших надписях – середины XI – рубежа XI–XIII вв. (Рыбаков, 1964: хронологический график буквы **М**), в то же время **М** похожей формы отмечено в берестяных грамотах от XI до XIII в., иногда встречается и позднее (Зализняк, 2000. С. 176–177. Табл. 14). Напротив, начертание **Р** (в строке, с округлой незамкнутой головкой, является ранним признаком как в надписях, так и в берестяных грамотах. В последних аналогичная форма отмечена только в одной грамоте (№ 421), датированной около 1120 г.; другие формы, объединенные издателями в одну строку по принципу написания в «строке», к данному начертанию отношения не имеют (Зализняк, 2000. С. 182. Табл. 18).

К архаичным начертаниям относится и остроугольная **А** с отсечкой, **К** – симметрична. Таким образом, палеография надписи указывает на домонгольское время, возможно на XII в., но настаивать на такой датировке при крайне ограниченном материале невозможно. Вероятно, более точную датировку может дать дата строительства храма, которая приблизительно определяется серединой XII в. Подробнее о возможной дате его строительства, наименовании и назначении будет сказано несколько позже, после рассмотрения других эпиграфических находок, с ним связанных.

При раскопках того же храма (в 2004 г.) была сделана поистине уникальная находка: это два небольших фрагмента стекла (совпадающих при соединении), на которых видны остатки букв, написанных золотом по темному (черно-зеленому) фону (рис. 3). Значение первой буквы несомненно – это **А** в круге, что означает сокращение греческого слова «агиос». Следовательно, далее должно быть написано имя святого. Первая буква – **К** или **В**, далее **О**, чтение остальных двух проблематично: третий знак – либо «ижица», либо «пси» в виде цветка лилии, последний знак напоминает **Ъ**. Но сочетание предыдущих двух – **О** и **Ψ(?)** – вызывает сомнение в прочтении последнего сохранившегося знака как **Ъ**, так как он не может следовать за гласной. Вероятнее, что это остатки буквы **З** («земля»), а называемой «**Ъ**-образной», а тонкая золотая линия по нижнему краю строки – декоративная, прочерченная под более широкой золотой полосой, что отчетливо прослеживается по

Рис. 3. Надпись на фрагментах витражного стекла (руины Борисоглебского собора, 2004 г.)

всей поверхности сохранившегося фрагмента. В письме по бересте такие формы отмечены в группе грамот, датируемых промежутком времени от 20-х до 80-х годов XIII в., другая группа подобных начертаний относится к 1-й половине XIII в. (Зализняк, 2000. С. 168). Написание на пластинке (золотое письмо) отличается декоративностью, четкостью и уверенностью линий. «Ижица» по начертанию очень напоминает «пси» в «виде цветка лилии» с декоративным перечеркиванием под чашечкой, широко раскрытыми лепестками и низким пестиком. В.Н. Щепкин отмечает, что подобные формы по сути своей являются греческими уставными типами XI в., нашедшими отражение в русской графике с опозданием почти на столетие, а форма с широко раскрытой чашечкой и низким пестиком характерна для русских рукописей XIII в. (Щепкин, 1967. С. 113). Если истолковать эту форму как «пси», то следующая буква могла быть **Ъ**, а все слово – сокращенное «писал». Но контекст, насколько можно судить по сохранившимся буквам, препятствует такому прочтению, несмотря на то что «ижица» в декоративных византийских и русских надписях XI в., хотя и использует декоративную точку, обычно пишется с более узкой и глубокой чашечкой (например, в надписях Софии Киевской), к тому же предпоследний знак лишь по форме напоминает «пси». Поэтому логично предположить, что перед нами надпись, называющая имя святого: **а коуз**..... (агис Козьма?). Фрагментарность находки оставляет нерешенными многие вопросы, прежде всего – неясно назначение стеклянной пластины. Судя по форме, это плоское закругленное стекло, на котором присутствовало изображение святого с надписью, может быть часть витража или дробница реликвария. Проблематична и ее датировка, хотя единственная буква, в прочтении которой нет сомнения, – **А** с незамкнутой оплывшей петлей и отчеркиванием – встречается в конце XII – начале XIII в., например, в надписях серии иконок мастерской Тудора (Медынцева, 2000. С. 172, 173, 180). На то же время, по-видимому, указывают и другие буквы, если они восстановлены правильно. Византийский облик письма и предполагаемое назначение стекла с росписью золотом заставляя предположить византийское происхождение предмета, но форма имени святого «**Κυζ[μα]**», вместо греческого «**Κοσμάς**», скорее указывает на русское исполнение.

Таким образом, этот предмет и по назначению и датировке во многом остается загадочным. Несомненно его связь с храмом, хотя стратиграфической даты нет, поскольку стекло найдено в разрушенном погребении стеного склепа северного притвора храма, но общая датировка слоя совпадает с предложенной выше – XII–XIII вв.

Из раскопок этого храма происходит и значительное количество надписей-граффити на фрагментах фресковой штукатурки, найденных в различное время: большая часть в 1948 г. при раскопках храма экспедицией под руководством А.Л. Монгайта, другая – при продолжении раскопок под руководством В.П. Даркевича. Это весьма значительный и интересный материал уже получил прочтение и истолкование (Медынцева, 1988), но необходимо, хотя бы в общих чертах, вернуться к нему в рамках данной статьи. Хотя надписи по большей части фрагментарны, они содержат важный материал. Помимо традиционных надписей, обычных для храма: молитвенных, рисунков, крестов, монограмм, выделяются надписи и рисунки на одном из фрагментов штукатурки с профессионально выполненными заглавными буквицами (инициалами), орнаментами, в исполнении которых проявляется рука опытного писца-профессионала. Среди этих «проб пера» привлекает внимание имя «Игорь», написанное вне обычного контекста молитвенной формулы или глагола «писал» (рис. 4, 1). Имя «Игорь» по источникам известно лишь как княжеское и к тому же довольно редкое. Согласно летописям, в Рязани было лишь два князя с таким именем. В Никоновской летописи под

1147 г. сообщается, что князем стал Игорь Святославич, по другим – Давыдович. Другой Игорь – Глебович – упоминается вместе с братьями Романом и Владимиром в 1182 г. (ПРСЛ. Т. 10. С. 18). О его смерти в 1194 г. сообщает ряд летописей. В Никоновской летописи это известие дополнено данными о месте захоронения князя: «Положен во граде Рязани в церкви каменной святых мученик Бориса и Глеба» (ПРСЛ. Т. 9. С. 36).

Большинство исследователей признает авторитетность этого сообщения о месте погребения Игоря Глебовича. Однако А.Г. Кузьмин, исследователь рязанского летописания, предположил, что это сообщение имеет в виду собор Бориса и Глеба в Переяславле Рязанском (Кузьмин, 1965. С. 122–123). В связи с атрибуцией раскопанного храма следует еще раз вернуться к истории его изучения. Большинство исследователей именно этот храм отождествляет с Борисоглебским, впервые упомянутым в летописи под 1195 г. Для такого отождествления есть серьезные основания. Прежде всего, рядом с раскопками этого храма до 1836 г. существовала ветхая деревянная Борисоглебская церковь. Кроме того, сам характер постройки, украшенной фресками и резьбой, витражами(?), погребениями знати, обнаруженными при раскопках, говорит о том, что это был главный храм древней Рязани (Вагнер, 1963. С. 19–23). К этим аргументам в специальной статье Г.К. Вагнер добавляет также такой важный, как топография: расположение храма на набережной, в княжеско-боярской части города, где и должен был располагаться главный княжеский собор, посвященный патрональным святым рязанских князей. Анализ исторической обстановки XII в. и архитектурных особенностей храма позволили ему высказать убедительное предположение о строительстве этого храма Глебом Ростиславичем (1155–1177 гг.).

Надпись-граффити с именем Игоря еще раз подтверждает предположение о строительстве храма Глебом Ростиславичем и летописные сообщения о захоро-

Рис. 4. Надписи-граффити на обломках штукатурки Борисоглебского собора (из раскопок А.Л. Монгайта и В.П. Даркевича)

нении Игоря (сына Глеба) в этом храме. Конечно, неясно, какое событие послужило непосредственной причиной появления надписи; скорее всего какие-то события из жизни этого князя, а возможно, и его захоронение в этом храме дало повод книжнику-профессионалу для своеобразной «пробы пера» на церковной стене.

Другие надписи (рис. 4, 2) – хозяйственные: «о получении гривны от половника», «о получении торговой пошлины по осени» (Медынцева, 1988. С. 255–253) – выделяют храм из обычных церковных построек. Среди них обращает внимание небольшой обрывок надписи, прочерченный византийской скорописью. Греческие граффити – достаточно редкое явление даже для кафедральных храмов Киева и Новгорода. Эта надпись – свидетельство не только грамотности, но и определенной образованности писавшего.

Исключительный интерес представляет небольшой обломок штукатурки, на котором начерчен рисунок левой человеческой ладони (рис. 4, 3). В основании пальцев буквы **А, В, Г, Д**, выше начало следующего ряда – **С, З**. Хотя рисунок сохранился фрагментарно и записи на нем не закончены, определение граффити не составляет труда: это рисунок так называемой «пасхальной руки», по другим источникам – «руки Иоанна Богослова». Так назывались специальные таблицы для определения дня, на который приходился праздник Пасхи, от чего зависели остальные даты переходящих церковных праздников.

Первой задачей в этих сложных расчетах явилось определение дня, с которого начинался год. В календарном году – 52 недели плюс 1 или 2 дня, в зависимости от того, является ли год високосным или нет. Поэтому воскресные дни перемещаются из года в год, совершая полный цикл за 28 лет. Этот период называется «кругом солнца». Весеннее полнолуние в зависимости от «лунных» месяцев совершает полный цикл в период, равный 19 годам («лунный круг»). Согласно определению первого вселенского собора в 325 г., день Пасхи приходился на первое воскресенье вслед за весенним полнолунием. Таким образом, для определения Пасхи нужно было вычислить день полнолуния и ближайший воскресный день. Все числа календарного года расписывались в определенной последовательности по первым семи (согласно числу дней в неделе) буквам-цифрам кирилловского алфавита. Таким путем каждая буква связывалась с определенным днем недели; та из них, которая приходилась на первое воскресенье в данном году, называлась «вруцелетом года» (Каменцева, 1967. С. 98–102).

Для определения «вруцелета» и была предназначена таблица из Старой Рязани – буквальное изображение «в руце лета». Рисунок остался незаконченным, вероятно, потому, что автор его слишком близко начал второй ряд к первому и буквы слились. Заметив ошибку, писец оставил рисунок незавершенным. Ближайшую аналогию ему представляет таблица XIII в., начерченная на стене Софии в Киеве (Высоцкий, 1976. С. 202–205). Отличие ее от рязанской – в ее завершенности и в ином оформлении: она представляет собой 28 клеток, в которых в определенной последовательности повторяются семь букв – условные обозначения дней недели – седмиц. Другая аналогия – изображение на л. 394 в служебнике 1-й половины XIV в., предположительно также происходящее из Рязани, где наряду с другими календарными расчетами и записями помещено изображение обеих рук (Вздорнов, 1980. № 14). Таким образом, назначение рязанского рисунка сомнений не вызывает. Хотя это только первый этап пасхальных расчетов, и для определения дня Пасхи нужны были дальнейшие сложные расчеты, ясно, что перед нами упражнение в их проведении, записанное на церковной стене.

Очень важна датировка этого рисунка. Хотя сам рисунок по палеографическим признакам датировать трудно, его дата, вероятно, не выходит за пределы

ХІІ–ХІІІ вв., так как весь комплекс граффити датируется приблизительно этим же временем. Как предполагают исследователи, храм был разрушен во время взятия Рязани Батыем в 1237 г., следовательно – и этот рисунок пасхальной руки на фресковой штукатурке не может быть датирован более поздним временем. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что не только в общепризнанных культурных центрах (например, Киеве), но и в столице окраинного княжества (Рязани), проводились достаточно сложные календарно-астрономические расчеты. Рисунок из Борисоглебского храма, начерченный, вероятно, для тренировки в процессе обучения, – прямое доказательство этому.

Значительный эпиграфический материал, полученный при раскопках, добавляет новые данные о статусе самого Борисоглебского храма. Как уже говорилось, Г.К. Вагнер, считая его вслед за А.Л. Монгайтом княжеским, допускал, что после образования Рязанской епархии он мог стать одновременно и кафедральным, подобно черниговскому Спасскому собору. Наличие профессионально выполненной надписи – имени Игоря (Святославича?) – подтверждает связь храма с княжеской семьей, и это предположение становится еще более достоверным. Вне сомнений, какое-то время этот храм выполнял роль княжеского патронального храма. Когда строился этот храм (по предположению исследователей, Глебом Ростиславичем), Рязанская епархия еще входила в состав Черниговской. Время выделения Рязанской епархии известно лишь по сообщению, сохранившемуся в трудах В.Н. Татищева, – 1198 г., но оно хорошо увязывается с текстом летописей (Кузьмин, 1965. С. 127). Логичным выглядит предположение, что Борисоглебская церковь становится после этого кафедральным храмом Рязанской (точнее, Борисоглебской) епархии.

Характер археологического материала (в том числе и эпиграфического), связанного с этим храмом: фресковая роспись, витражи(?), богатые погребения, многочисленные граффити, книжные орнаменты, греческая скоропись, фрагменты хозяйственных записей, в которых оговаривается время получения торговой пошлины, и особенно учебная таблица по расчету пасхалий, выделяет Борисоглебский храм из числа других. Скорее всего, в ХІІ–ХІІІ вв. это уже кафедральный собор, резиденция епископа, где велась хозяйственная документация, где обучали письму и переписывались рукописи, украшенные орнаментами и инициалами, где были образованные книжники, знавшие греческий язык, и где, наконец, велось обучение не только письму, но и сложным календарным расчетам. Уместно еще раз напомнить, что подобные расчеты обнаружены лишь среди граффити Киевского храма Софии, там же известно небольшое количество обрывков греческих надписей, и только одна – в Новгородском Софийском соборе.

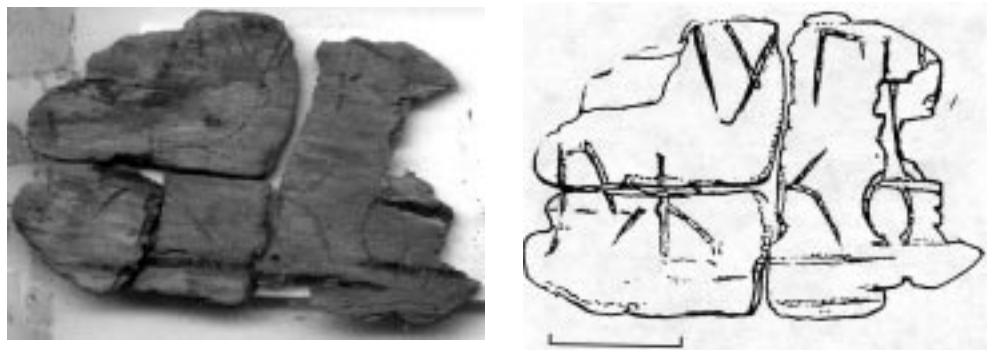

Рис. 5. Фрагменты берестяной грамоты из раскопа № 27 (1997 г.)

В 1997 г. было совершено еще одно открытие: на посаде Старой Рязани найдены три небольших фрагмента бересты (Чернецов, Стрикалов, 2003. С. 29). При сложении они образуют единый фрагмент, на котором можно различить остатки 7 букв, расположенных в две строки:

(Л) ҮГ (Н)
(Д) ђ К О

Бесспорно чтение второй и третьей буквы (Ү Г) в первой строке. У первой буквы читается лишь правая наклонная черта – возможно, это Л. Во второй строке первая буква по сохранившимся штрихам восстанавливается как Д, целиком расположенная в строке. Как возможный вариант можно допустить ее чтение как Р, тоже в строке, с прямой спинкой и треугольной головкой, но этому варианту препятствует ясно видная черта от ножки Д. Следующая буква, хотя и находится на стыке разлома бересты, читается отчетливо – это ђ с треугольной петлей и «коромыслом», расположенным несколько ниже уровня строки, затем прочерчена К в три приема, с изогнутым «коленом», последняя буква – О из двух несомкнутых в нижней части изогнутых линий. Достоверная реконструкция текста невозможна. Как один из вариантов можно допустить такое разделение на слова: (Л) ҮГ (Н) [Б] Ү(Д) ђ К О..., где первое слово – производное от «луг», во второй строке – производное от глагола «быть» с ѐ вместо ђ, КО – предлог. Так же предположительна и палеографическая датировка. В качестве хронологических признаков могут быть использованы Ү (вместо дифтонга ОҮ) и ђ с треугольной петлей в строке. Первое начертание обычно в рукописях с XIII в., второе – со 2-й половины XII – XIII в. (Щепкин, 1967. С. 111, 116). Но в берестяных грамотах архаичное написание ђ в строке используется на протяжении всего периода их существования (от XI до XV в.), и поэтому данная примета не может быть использована, но Ү в надписях и берестяных грамотах, хотя изредка используется и в более раннее время, все же более распространенной становится именно с XIII в. Поэтому предположительно можно отнести обрывок грамоты из Рязани к XII–XIII вв., что совпадает с данными археологическими, которым и в данном случае следует отдать предпочтение.

Несмотря на фрагментарность, условность прочтения и датировки, следует отметить, что находка берестяной грамоты в Старой Рязани, где культурный

Рис 6. Каменный
наперсный крест
(раскоп № 25, 1995 г.)

слоем не сохраняет органические остатки, очень важна, так как позволяет предположить, что письмо на бересте использовалось ее жителями в более широких масштабах, чем можно судить по археологическим данным.

Все перечисленные выше эпиграфические находки относятся к домонгольскому времени, но следующая говорит о том, что жизнь в городе не прекращалась и позднее (рис. 6). На Южном городище в поврежденном пахотой слое обнаружен каменный наперсный крест из розового шифера, на котором сохранились и надписи (Чернецов, Стрикалов, 2003. С. 28. Рис. 11).

На лицевой стороне, вокруг гравированного изображения восьмиконечного креста прочерчена традиционная надпись

ІСҮ / ХЪ / НН КА (Иисус Христос ника).

Необычно сокращение имени Иисус, титло отсутствует. На оборотной, сильно потертой – следы надписи, начерченной тем же почерком:

СҮ (В) Ѧ / Ү (ЄН)... К (?).

Содержание ее неясно, две первые буквы под титлом можно прочесть как немелко сокращенное «**ІСҮСЪ**» – подобно надписи на лицевой стороне. Дальнейшие буквы стерты. Можно лишь различить **Ѧ** в конце первой строки и первую **Ч** во второй. Другим почерком поверх стертой надписи начерчено: **АМ [І] НЪ**. Для палеографических наблюдений важно начертание **Ъ** – на лицевой стороне с петлей во всю величину буквы. Подобное начертание в рукописях появляются в конце XIII в. и становится типичным в XIV в. (Щепкин, 1967. С. 116–117. Рис. 57), в эпиграфике используется на протяжении XIV в. (Рыбаков, 1964. № 48, 50) и в начале XV в. (Николаева, 1971. С. 171. № 2). Характерно крестообразное начертание **і** (десятиричного). В памятниках эпиграфики оно встречается редко, отмечено лишь в конце XIII в. (Рыбаков, 1964. № 44), в берестяных грамотах такое начертание появляется во 2-й половине XIII в., и довольно часто используется в XIV–XV в. (Зализняк, 2000. Табл. 11). О том же времени свидетельствует написание **Ү** (без **Ѧ**). Начертание **Ъ** с квадратной петлей ограничены временем: конец XIV – XV в. (Рыбаков, 1964. № 55; Николаева, 1971. Табл. 81. № 2). Более архаичные (XI–XIII вв.) имеют **Н** (наш) и **Н** (иже). Датирующее значение имеет начертание **К** с резким изломом «колена». В датированных надписях подобная форма встречена только в середине XIV в. (Рыбаков, 1964. № 51, 53), в берестяных грамотах – в конце XIV – начале XV в. (Зализняк, 2000. Табл. 2).

Таким образом, палеографические признаки определенно указывают на послемонгольское время; широкая палеографическая дата – конец XIII – начало XV в., но наиболее вероятной представляется конец XIV – начало XV в.

Подводя итоги изучения эпиграфического материала из Старой Рязани следует сделать вывод о том, по уровню грамотности ее населения она не только уступала другим княжествам, но и превосходила многие: из культурного слоя этого древнерусского города происходят и надписи на пряслицах, и на амфорной керамике, граффити на штукатурке и подписи – клейма на плинфах из раскопок двух храмов. Один из них – Борисоглебский – был, очевидно, и учебным и письменным центром, где образованные книжники не только обучали письму и сложным календарным расчетам, но, возможно, и вели местную, рязанскую летопись. Находка фрагмента берестяной грамоты включает Рязань в список городов, где велась частная переписка на бересте. Среди грамотных людей того времени были княжеские люди и ремесленники, женщины, высокообразованные книжники из кафедрального собора и, вероятно, рядовые горожане.

После разорения ордами Батые Рязань постепенно утрачивает свое значение и уступает место стольного города соседнему Переяславлю. Но как показывают

археологические раскопки (Чернецов, Стрикалов, 2003. С. 30), жизнь на городище Старая Рязань и после монголо-татарского разгрома продолжается. Не прерывается и письменная традиция, об этом говорят и эпиграфические находки: крестик с надписями XIV–XV вв., переписка в 1294 г. для Рязанской епархии свода законов – Рязанской кормчей, находка медной пластины от золоченых церковных дверей, датируемых XIV в. (Монгайт, 1955. С. 139, 141; Лазарев, 1953. С. 436). Связь последнего памятника именно со Старой Рязанью проблематична, хотя несомненна с Рязанским княжеством. Но, вероятно, грамотность и образованность уже не могли достичь такого уровня, какой демонстрирует домонгольская Рязань.

ЛИТЕРАТУРА

- Вагнер Г.К.* Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство. 1963. № 15.
- Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. М., 1980.
- Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Зализняк А.А.* Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. НГБ. Из раскопок 1990–1996 годов. М., 2000.
- Каменцева Е.И.* Хронология. М., 1967.
- Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965.
- Лазарев В.Н.* Васильевские врата 1336 года // СА. 1953. Т. XVIII.
- Медынцева А.А.* Эпиграфические материалы из Старой Рязани // Древности славян и Руси: К 80-летию академика Б.А. Рыбакова. М., 1988.
- Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. М., 2000.
- Монгайт А.Л.* Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г. // Изв. АН СССР. Серия история и философия. 1949. Т. 4. № 5.
- Монгайт А.Л.* Старая Рязань // МИА. 1955. Вып. 49.
- Николаева Т.В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // САИ. 1971. Вып. Б1–49.
- Полное собрание русских летописей. Т. 9, 10. М., 1965.
- Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. // САИ. 1964. Е1–44.
- Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю.* Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003.
- Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1967.